

В объятиях самки богомола

Автор:

Вера Колочкова

В объятиях самки богомола

Вера Александровна Колочкова

Секреты женского счастья

Марта с юных лет была уверена, что должна получить от судьбы все самое лучшее, и шла по жизни твердо и уверенно. Пусть за плечами сломанные судьбы и разрушенные семьи, надо идти вперед и только вперед!

И вот желанная удача, материальный достаток и карьерный успех у нее в кармане, но что дальше? Куда скользкая дорожка заводит отъявленных циников?

Вера Колочкова

В объятиях самки богомола

Пригвождена к позорному столбу

Славянской совести старинной,

С змеею в сердце и с клеймом на лбу

Я утверждаю, что – невинна.

Пересмотрите все мое добро,

Скажите – или я ослепла?

Где золото мое? Где серебро?

В моей руке – лишь горстка пепла!

(Марина Цветаева «Пригвождена...»)

Как жалко выглядит стол, накрытый для не востребовавшего романтического ужина... Да, очень жалко и грустно выглядит. Лучше и не смотреть, не рвать сердце, не глотать слезный комок обиды и унижения. Да, именно так – унижения! Потому что все старания, все надежды, весь душевный подъем – все впустую.

Особенно обидно именно за него, за душевный подъем. Страшно пережить в себе обратное его падение, очень страшно. Душа противится, сжимается болью – как же так, за что? Я дрожала крылышками, я трепетала и дышать не могла, я готова была лететь на огонь. Ведь не зря на столе свечи стоят, ведь их зажечь следует! Зажгите свечи, я лечу, лечу... И пусть я сгорю в этом огне, но сгорю со смыслом.

Но ведь не зажгли. Убили душу. И девственно белые ниточки фитилей на свечах – как иглы, на которые упала-таки несчастная бабочка.

Невыносимо чувствовать за спиной этот праздничный стол. И нет больше сил ждать, и без того ясно – не придет. И хватит с преувеличенным вниманием пялиться в телевизор, и лгать самой себе, что ничего страшного не происходит и не больно-то и хотелось.

Марта встала с кресла, развернутого к накрытому столу, выключила телевизор, подошла к окну.

Темно. Сумерки давно перетекли в ночь. Ветка тополя, набухшая апрельскими соками, лениво колышется под лаской теплого влажного ветра – скоро, совсем скоро появятся на свет бледные листочки-первенцы.

Марте показалось на миг, что ветка замерла от неловкости, словно попросила ветер остановиться в проявлении нежных чувств. Тихо, ветер, тихо. Не беспокой меня понапрасну. Видишь, какие печальные глаза у той женщины в окне... Жаль ее, бедолагу. Так старалась и трепетала надеждой, так готовилась, а он не

пришел. Ей, этой женщине, тяжело теперь наблюдать за чужим весенним счастьем. Тихо, ветер, тихо...

Марта вдруг ясно увидела в темном окне отражение своего лица. Идеально правильного лица, ухоженного, без единой морщинки. Макияж – едва заметный глазу. Светлая копна волос лежит вольно, будто сама по себе так легла, без постороннего вмешательства. Да, хорошее лицо, хоть и обманное своим поддельным естеством. На первый взгляд – хорошее. А если присмотреться... О, если очень долго и внимательно смотреть на свое отражение... Вот они, демоны, уже вылезли наружу. Не спрячешь их – да и зачем? Пусть празднуют свою победу, сегодня их день. Вернее, ночь. Пусть блестят глаза печально-злым недоумением, а губы сжимаются так плотно, что вот-вот задрожат обидой – тоже печально-злой. Только вздохнуть один раз поглубже – и слезная истерика накроет с головой. Боже мой, до чего ты дожила, неужели это ты, Марта? Неужели действительно ты способна на слезную истерику по такому ничтожному поводу?

Ты, которая всегда играла мужчинами, как ловкий жонглер цветными шарами. Ты, которая не боялась ничего и никогда, которая шла по головам к своей цели, какой бы она ни была. Ты, которая получала от мужчин все, что хотела. И не только от мужчин, от всех, кто попадался на пути.

Да ты ли это, Марта?

Глава 1

Деничка

Апрельский вечер проник холодком в открытую оконную створку, Марта поежилась, обхватив себя руками, и тихо проговорила:

– Мы не простудимся, Оль? Тебе как, не холодно?

– Не-а... – так же тихо откликнулась Оля, с улыбкой глядя вниз, во двор, где мальчишки с криком гоняли футбольный мяч. – Давай еще немного посидим,

ладно? Так хорошо весной пахнет... Слышишь?

- Неправильно ставишь вопрос. Что значит - слышишь, как пахнет? Запахи чувствуют, а не слышат.

- А я запахи слышу, потому что я романтик, а ты прагматик.

- Ага... Скажи еще, что ты Наташа Ростова.

- Наташа Ростова? Нет, что ты... Хотя, в общем, да... Она, я думаю, тоже запахи слышала.

- Да ничего она такого не слышала, не придумывай за Льва Николаевича! А если даже и слышала, то это не отменяет правильности речи!

- Да, не отменяет. Но ведь ужасно скучно, когда все правильно, Марта.

- Тебе скучно, а мне нет. И вообще, я замерзла, могу простуду подхватить. Оно мне надо? Я всегда так долго болею, когда простужаюсь... Через месяц последний звонок в школе, а я буду вся бледная и в соплях.

- Ну, это не про тебя, Марта. Ты никогда не бываешь бледная и в соплях. Ты всегда красивая. В любом состоянии выглядишь на отлично.

- Завидуешь, что ли?

- Да прям! Ты ж моя подруга, чего я буду завидовать?

- Так подругам больше всего и завидуют - так моя мама говорит.

- Ну, знаешь... Это не про меня!

- Да ладно, не злись. Шучу я. Но простужаться все равно не хочу, хватит с меня весенней романтики.

Марта отдернула портьеру, изящно соскользнула с широкого подоконника, и Оле ничего не оставалось, как последовать за ней.

Они часто устраивали себе посиделки на подоконнике, закрывшись от комнаты плотной портьерой. Окна в доме были большими, подоконники широкими, и можно было вполне комфортно устроиться в этом пространстве вдвоем, сидя лицом к лицу и обхватив колени руками. И сидеть долго, секретничать. И пугать Олину маму, вернувшуюся домой с работы. Уж вроде привыкнуть пора, что они часто так сидят, а она все равно пугалась, услышав их тихие голоса из-за портьеры...

Квартира была однокомнатной, но довольно большой – Оле с мамой места хватало. Тем более угол у Оли был свой, отгороженный от общего пространства старым буфетом. В «своем» углу размещались тахта и письменный стол, и можно было хозяйничать, как Оле вздумается, то есть навешивать на оборотной стенке буфета афиши своих любимцев, некоторые даже с автографами, между прочим!

Вот певица Линда, например. Черные волосы, черный плащ, неестественно белое лицо, неестественная скрюченная поза. Смотришь, и в голове сама по себе начинает звучать немного агрессивная мелодия – я ворона, я ворона... Олина мама, впервые увидев эту афишу, аж встрепенулась вся от испуга и руками отчаянно замахала: «Оля, убери немедленно эту страсть, еще накликаешь беду! Да разве можно на такое смотреть перед сном, кошмары замучают!» Они потом долго смеялись, вспоминая первую мамину реакцию.

А вот еще афишка – на ней сама Татьяна Овсиенко в кожаных шортах. Марта вздыхала завистливо, глядя на эти шорты – вот бы такие достать... «Да куда ты в них пойдешь, если даже достанешь! – искренне удивлялась Оля. – Дальше собственной квартиры все равно не выйдешь! Ты лучше на более доступный наряд замахивайся! Вон, смотри на другой афише какое платье у Людмилы Сенчиной красивое! Моей маме очень понравилось! Скромненько и со вкусом. Она вообще очень любит Людмилу Сенчину».

Марта лишь кивала головой снисходительно, делая вид, что соглашается. Но про себя думала: нет уж, дорогая подруга, скромненько и со вкусом – это не для меня. Дай только срок – и все будет. И даже кожаные шорты будут, хотя они вовсе не предел мечтаний! Что – шорты? Безвкусица, пошлость агрессивная и одноразовая. Нет, относительно вкусов мы другим путем пойдём, тем самым, где

слово «скромненько» ни одной нотой не звучит.

- Давай телевизор включим! - предложила Оля, снимая с экрана зеленую салфетку-мережку. - Вдруг что-нибудь интересное показывают.

- Да что там может быть интересного? - отмахнулась Марта.

Телевизор еще не вспыхнул черно-белым экраном, а в комнату уже прокрался бодрый и мягкий голос диктора «Новостей»:

- Мы ведем репортаж из Кремлевского Дворца съездов... Перед делегатами двадцатого съезда Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев...

- Ой, выключи ты эту галиматью, умоляю! - раздраженно махнула рукой Марта. - Слушать это не могу! Опять сейчас талдычить начнет про перестройку и гласность! Каждый раз одно и то же, хоть бы новенькое что-то придумал!

- Да ладно, я выключу, - пожала плечами Оля, - если тебе не нравится...

- А тебе нравится, что ли?

- Не знаю. Но и раздражаться особо не вижу смысла. Если человек считает нужным что-то говорить, то пусть поговорит... Тем более он не простой человек, а Генеральный секретарь! И если он говорит про перестройку и гласность, значит, так правильно. Да и вообще, я нормальный человек, а не диссидентка какая-нибудь...

- Так и я не диссидентка. Просто сколько можно? Одно и то же, одно и то же... Неужели ему самому не надоедает, а?

- Ну, не нам с тобой об этом судить.

- А я и не сужу. Просто смотреть на это не хочу, вот и все.

Они замолчали, будто поссорились. В наступившей тишине стало слышно, как проворачивается ключ в замке на входной двери.

– Ой, мама пришла! – радостно подпрыгнула Оля, устремившись в прихожую.

Марта села на диван, поджала под себя ноги, стала слушать, как Оля с мамой радостно щебечут в прихожей, будто век не виделись. Потом взгляд ее лениво пробежал по обстановке комнаты, хотя чего нового можно разглядеть в той обстановке? То же самое все, изо дня в день, из года в год. Старый буфет, развернутый боком с целью создать «уютный угол для Олечки», старый диван, на котором спит Олина мама Наталья Петровна, платяной шкаф, стол с темно-зеленой скатертью, телевизор в углу – вот и вся обстановка. Да, все чистенько, вылизано, ни соринки нет, ни пылинки. Скромненько и со вкусом. Хотя относительно вкуса большой вопрос. Если не считать, конечно, признаком вкуса темно-зеленую скатерть, напоминающую цветовой гаммой вытертую зелень ковра на полу. И плюс к тому зеленую салфетку-мережку, стыдливо прикрывающую экран телевизора. Да, относительно вкуса – это очень-очень спорный вопрос.

Зато как Оля с мамой щебечут радостно, уже из кухни! Будто довольны жизнью взахлеб! Хотя, похоже, и в самом деле довольны и жизнью, и друг другом, и обстановкой, которая «скромненькая, но со вкусом». Что есть, то есть. И притязаниями на более обеспеченное существование не мучаются. Счастливые... Обзавидоваться можно, ага.

Марта вздохнула и сама почувствовала, сколько сарказма вложено ею в это снисходительное «обзавидоваться». Нет, этот сарказм вовсе не злой... Он добрый скорее. Или сарказму не положено быть добрым априори? Ну, тогда... Тогда пусть он будет равнодушно-вежливым. Вроде того – я рада за ваше счастье, я его понимаю, да только мне такого не надо, увольте...

– Марточка, ты чего там одна сидишь? – послышался из кухни веселый голос Натальи Петровны. – Иди к нам, сейчас ужинать будем! А потом чай пить с тортиком! Я по дороге в кулинарию заскочила, там как раз тортики свежие выставили – сразу очередь образовалась, но я впереди всех оказалась! Молодец я, правда?

Марта встала с дивана, медленно направилась в сторону кухни, не забыв остановиться перед зеркалом в коридоре и глянуть на себя с обычным пристрастием. То есть с головы до ног осмотреть, повернуться сначала одним боком, потом другим и даже со спины попытаться на себя глянуть, вывернув

шею и от старания привстав на цыпочки. Оля всегда смеялась над этой ее привычкой – зачем ты задницу свою разглядываешь, что нового ты увидеть хочешь? Наверное, и впрямь смешно. Хотя смеется всегда тот, кому и разглядывать особенно нечего. А если есть на что смотреть, то почему бы и не получить удовольствие лишний раз?

Да, именно так – удовольствие. Удовольствие от того, что все на месте. И тонкая талия, и длинные ноги, и аккуратная задница, обтянутая джинсами. И легкая кофточка-разлетайка, норовившая небрежно и как бы случайно упасть с одного плеча. И платиновые волосы, подстриженные под «Овсиенко» – с длинной челкой, спадающей на глаза. Да и сами глаза... Не глаза, а «лукавство фиалковое», как сказал один студент-практикант, преподававший у них физику в восьмом классе. Даже телефон у нее просил, помнится, но она припугнула его, пообещав пожаловаться директору школы. Долго потом они с Олей смеялись, вспоминая этого практиканта.

– Марта! Опять у зеркала торчишь? – выглянула из кухни Оля. – Не надоело?

– Да что ты к ней пристала, пусть торчит сколько хочется! – весело вступилась за Марту Наталья Петровна. – Она девочка красивая, ей так природой положено. Красота сама себя любит, и чтобы за ней пристально хозяйский глаз наблюдал, тоже любит.

– А я что, некрасивая? – немного обиженно спросила Оля.

– Ну почему, ты тоже красивая. Только у тебя тихая красота, а у Марты...

– Громкая, что ли? – подсказала насмешливо Оля.

– Ну, можно и так сказать. Да, громкая. И не завидую я тем мужчинам, которых она оглушит...

– Почему, Наталья Петровна? Почему не завидуете? – настороженно спросила Марта.

– Зачем тебе глухонемой ухажер, а? Ни поговорить, ни посоветоваться. Скучно же, правда?

Оля и Наталья Петровна засмеялись одновременно. Марта подумала пару секунд и тоже присоединилась к ним, одобряя удачную шутку.

На ужин были капустные котлеты – все из той же кулинарии, куда после работы успела заскочить Наталья Петровна. Поставив тарелку с котлетами перед Мартой, она проговорила тихо, будто извинялась за скромное угощение:

– Вообще-то у них неплохие полуфабрикаты... Я покупала пару раз – вполне съедобно. И для фигуры не страшно, правда?

– Ну да. Если котлетки тортом заесть, конечно, не страшно, – ответила за Марту Оля и рассмеялась весело.

– А я торт не буду, – ответила Марта, даже не улыбнувшись. – Я вообще сладкое не ем. Я даже чай без сахара пью.

– Ну и зря, – пожала плечами Оля. – Лишаешь себя удовольствия. Сахар, между прочим, для мозга полезен.

– Ну, это кому как. Тебе, может, и полезен, а мне без надобности, – пожала плечами Марта.

– Хочешь сказать, что у тебя мозгов больше?

– Эй, девчонки! Вы что, ссоритесь? – удивленно спросила Наталья Петровна, садясь за стол.

– Нет, Наталья Петровна. Мы с Олей никогда не ссоримся, – опустив глаза, тихо ответила Марта.

– Мы просто прикалываемся, мам, – торопливо пояснила Оля.

– А... Ну что ж, прикалывайтесь на здоровье. Я тоже помню, как мы с твоей мамой, Марта, когда-то подшучивали друг над другом. Тоже девчонками были, как вы.

– А вы что, дружили с моей мамой? – удивленно спросила Марта.

– Ну, не то чтобы дружили... Хотя какое-то время дружили, да. Мы ведь в одном классе учились и жили в соседних дворах, как вы сейчас.

– А почему раздружились?

– Не знаю. Как-то само собой все произошло. После школы наши пути разошлись. Редко у кого сохраняется школьная дружба. Теперь едва здороваемся при встрече, как чужие.

– А с мамой было легко дружить? – осторожно спросила Марта.

– Ну что значит – легко? – задумчиво пожала плечами Наталья Петровна. – По-моему, дружба такими категориями не измеряется. Нет, тут другое. Твоя мама ведь очень красивая была, цену себе знала, да она и сейчас красивая, видела ее недавно на автобусной остановке. Хотела подойти, да не успела, мой автобус подошел. Да, она красивая, только грустная очень.

– Мама грустная? Да ну... – недоверчиво усмехнулась Марта. – Она сама всегда говорит, что надо держать лицо, чтобы никто не догадался, что у тебя внутри происходит.

– Ну да. Надо, конечно. Только не всегда получается. Иногда и не уследишь, какое на нем образуется выражение. Жизнь-то у твоей мамы тоже не сахар, как я понимаю. Сколько уже времени прошло, как твой отец... Как он...

– Вы хотите спросить, сколько времени прошло с тех пор, как папа от нас ушел?

– Ну да... То есть я не хотела, Марточка... Тебе неприятно, наверное? Извини...

– Да ладно. Я вовсе не комплекую по этому поводу. И мама тоже прекрасно себя чувствует. И без него проживем, подумаешь, какое счастье потеряли. Да и какой он муж для мамы? Она сильная женщина, а он слабак! И это еще спорный вопрос, кто кого бросил, потому что слабаки на фиг никому не нужны!

– Нельзя так про отца, Марточка. Пусть мама о нем говорит все, что хочет, а тебе нельзя.

- Почему?

- Потому что он твой отец.

- И что?

- Он любит тебя.

- Да вы-то откуда знаете, любит он меня или не любит?

- Зря ты так, Марточка. Зря. Хотя это не мое дело, конечно.

- Нет, интересно вы рассуждаете, Наталья Петровна! Получается, что я обязана его любить, что ли? Он маму бросил, как бы ниже плинтуса опустил, а я должна? Никто ведь разбираться не будет, кто кого на самом деле бросил! Если женщина разводится с мужем, все так и считают – это он ее бросил! И тем самым клеймо на ней ставят! Получается, и на мне это клеймо есть, ведь я с мамой живу! И что, после этого я его любить должна, что ли? А не много ему будет, а?

- Ты маленькая еще, не понимаешь... – тихо и виновато вздохнула Наталья Петровна, опуская глаза. – Не научилась еще эти узелки развязывать...

- Я не маленькая. И никаких узелков здесь не вижу. А если они и есть, то развязывать их не собираюсь, не больно-то и хотелось.

- Ничего, Марточка, ничего... Вот выйдешь замуж, родишь своих детей и все станешь оценивать по-другому. И отца простишь. И рада будешь, что он у тебя есть, что живой. Вот что главное, Марточка. Понимаешь? Живой! А у моей Оли уже никогда отца не будет... А впрочем, что я к тебе привязалась, а? У всякого человека собственное горе горше других оказывается.

Наталья Петровна виновато махнула рукой, сморгнула, улыбнулась жалко. Оля протянула руку, слегка огладила ее по плечу:

- Ну что ты, мамочка, не надо... Папу ведь все равно не вернешь.

– Да я понимаю, доченька. Столько времени прошло, а я никак не могу привыкнуть к своему вдовству. Вот и отца Марты принялась защищать, хотя какое мне дело, казалось бы... Ладно, не будем больше об этом. Давайте чай пить, девчонки! Может, все-таки позволишь себе маленький кусочек торта, Марточка?

– Нет, спасибо. Я лучше домой пойду, Наталья Петровна.

– Обиделась?

– Нет, что вы! Просто мне пора уже. Мама с работы вернулась, наверное. И к контрольной по химии надо готовиться.

На улице было уже темно, и действительно надо было идти домой, но Марта шла медленно, будто раздумывала, стоит ли торопиться. Апрельский вечер был звонок и свеж, и вкусно пахло едва проклюнувшимися тополиными листочками, и где-то во дворах играла гитара, и веселый хрипчатый голосок лихо выпевал незамысловатые строчки: «...я готов целовать песок, по которому ты ходила...»

Марта улыбнулась – да, все так, именно так! То есть у нее будет именно так! Чтобы целовали песок, по которому она будет ходить!

Войдя в свой двор, она подняла глаза – света в окнах квартиры не было. Да, мама домой не торопится, чтобы накормить ее ужином. Ее мама вовсе не такая, как Наталья Петровна, и живут они не так. Не щебечут радостно, встречаясь в прихожей, не проявляют восторгов по поводу купленных в кулинарии капустных котлеток. У них очень сдержанные отношения, но ведь это не значит, что мама ее не любит, просто она совсем, совсем другая.

Или все-таки... Если честно? Хотелось бы ей, чтобы мама была такой, как Наталья Петровна? Такой открытой и ласковой, такой непритязательно любопытной? Чтобы ждала ее дома, с нетерпением глядя в окно и страшно за нее беспокоясь? Чтобы жила только ее интересами, а своих собственных интересов у нее вовсе не было?

И вообще, где мама сейчас? Может, пытается устроить личную жизнь – в который уже раз, и все безуспешно? Хоть бы предупредила, что поздно вернется.

У подъезда уныло стоял Вовка Гроховский, одноклассник, влюбленный в нее еще с детсадовской группы. То есть он так думал, что влюблен, потому что это было его личное дело. Потому что Вовкина любовь с ней, с Мартой, никак не соотносилась и была даже несколько для нее оскорбительна – ну что такое этот Вовка, в самом деле? Без слез не взглянешь. Долговязый, сутулый, взгляд какой-то затравленно-умоляющий. Будто она задолжала ему чего-то и никак отдавать не хотела. Ей-богу, даже смотреть на него неловко. И зачем опять к подъезду приперся?

– Привет, Марта. А я вот стою, тебя жду. Света в окнах нет, вот я и подумал, что тебя нет дома...

– Да. Железная логика у тебя, Вовка. Индукционный метод мышления, как у Шерлока Холмса, – проговорила она, проходя мимо него и не собираясь останавливаться. Сарказм в ее голосе должен был объяснить Вовке это нежелание останавливаться хотя бы на секунду.

– Марта, погоди, – услышала она за спиной, когда взялась за ручку двери подъезда. – Погоди, Марта! Я сказать хотел... Давай завтра после уроков в кино пойдем! А потом в кафе. Или сначала в кафе, потом в кино, как захочешь...

– А я ни так ни сяк не хочу, Вовка. И перестать за мной шлаться, пока я окончательно не запсиховала, понял?

– Марта, ну почему? Почему, Марта?

– Да потому! – вдруг рассердилась она, разворачиваясь к нему всем корпусом. – Потому что не хочу я с тобой ходить вообще никуда, что тут непонятного? И вообще, ты отстанешь от меня когда-нибудь или нет?

– Нет, не отстану.

Вовка произнес это с таким тихим и яростным отчаянием, что она посмотрела на него сначала удивленно, а потом, выдохнув из себя удивление, заговорила с ядовитой насмешливостью, которую больше не могла в себе сдерживать. Наверное, она была слишком едкой, как щелочь, и не стоило бы, но Вовка сам виноват. Напросился.

– Да ты... Что ты о себе воображаешь вообще, а? Ты хоть в зеркало на себя смотрел когда-нибудь? Ты же!.. У тебя даже джинсов нормальных нет, и эти рубахи твои... В синюю и красную клеточку! Да с тобой идти рядом и то стыдно! Вовка, я умоляю тебя – не ходи за мной, а? Ну нет у тебя шансов, пойми!

– А если будут фирменные джинсы, я другим для тебя стану, да? – пытаюсь сохранить остатки достоинства, насмешливо спросил Вовка. Хотя насмешливость его была такой горькой, что Марте стало не по себе – ведь не хотела ничего такого ему говорить, действительно сам напросился!

– Да откуда у тебя фирменные возьмутся? – вяло махнула она рукой, досадуя на себя и вмиг устав от этого дурацкого диалога.

– После школы пойду работать и куплю, – просто объяснил Вовка. – Я бы и после восьмого класса школу бросил да работать пошел, но мать не дала, она ведь одна нас воспитывает, отец давно умер. У меня еще две младшие сестренки есть...

– Вовка, мне нет дела до твоих семейных трудностей. И вообще, не в джинсах дело, это я погорячилась, извини. Просто ты мне не нравишься, вот в чем дело. Ну совсем не нравишься. Не ходи больше за мной, ладно?

Марта быстро вошла в подъезд, бегом поднялась по ступенькам на свой третий этаж, лихорадочно принялась искать ключом замочную скважину. Торопилась, будто Вовка за ней гнался. Хотя знала прекрасно, что он никогда себе такого нахальства не позволит. Войдя в квартиру, быстро скинула туфли, прошла в комнату, чуть отодвинула портьеру на окне. Вовка по-прежнему стоял у подъезда, понуро склонив голову и сунув руки в карманы дешевых «нефирменных» штанов.

Ну и пусть стоит, если нравится. Ей все равно. Если не считать досадного чувства внутри, похожего на оскорбление. Ну почему Вовка?! Почему, например, не Вадим Синицкий из параллельного класса, за которым все девчонки бегают? Или хотя бы спортсмен Рома Осипенко, у него классный мотоцикл есть.

Марта вздохнула, пошла на кухню, по пути зажигая везде свет. Не любила, когда в квартире темно. Вообще темных углов она не любила, и настольных ламп не

любила, и ночников, и торшеров. Если уж выбирать состояние, то пусть будет или яркий свет, или полная тьма. Ничего среднего.

На кухонном столе была брошена записка от мамы. Именно брошена – так ей показалось. И написана второпях, на каком-то бумажном клочке – «приду поздно, поужинай и спать ложись, не жди».

Марта хмыкнула, беря двумя пальцами жалкий клочок бумаги. Ага, вот так, значит. Поужинай. Интересно, чем она должна поужинать? Может, в холодильнике что-то на ужин есть?

Она сердито рванула на себя дверцу холодильника, и та всхлипнула испуганно, виновато явив пустое нутро. Ага, щас. Поужинай-ка, дорогая доченька, чем бог послал. Старый кусок сыра, консервы противные рыбные, засохший хвост копченой колбасы с веревочкой на конце. Кастрюля с позавчерашней гречневой кашей. Или куда там – позавчерашней... Наверное, дня четыре уже стоит. Или пять. Интересно, что мама имела в виду, когда писала свое заботливое «поужинай»? Очень торопилась, наверное. На автопилоте написала. Потому что так все нормальные матери пишут в записках – «поужинай». Тоже, наверное, вообразила себя нормальной матерью.

Нет, по большому счету Марта к матери претензий не имела. Знала, что та ее любит. И вполне понимала мамины поползновения по устройству своей личной жизни. Она женщина красивая, выглядит моложе своих лет, фигуру сохранила почти девичью. Что же, пропадать такому добру ни за зря? Обидно доживать свою женскую жизнь в статусе разведенки, это понятно. Пусть, пусть как-то устраивает судьбу, не может тут быть никаких возражений вкупе с дочерней вредностью. Но тогда уж и записочек трогательно заботливых не пиши, не перемешивай личное с обязательным! А то захотела – и рыбку съесть, и... На этом надо остановиться в своих дочерних мыслях. Не будет она на маму до такой степени обижаться.

Остаток вечера скоротала у телевизора – как раз повторяли фильм про школьную жизнь, «Розыгрыш» называется. И хорошо, что повторяли, ведь могли бы вместо «Розыгрыша» и репортаж из Кремлевского дворца съездов с выступлением Горбачева опять в программу впихнуть. А на Харатьяна смотреть гораздо приятнее, чем на Михаила Сергеевича. Какой же любимый актер там красивый, с ума сойти! А поет как! И песня в конце очень трогательная, и слова: «Когда уйдем со школьного двора...» Жаль, фильм быстро закончился, потом

какая-то ерунда началась. Ну почему, если что-то хорошее, то его обязательно мало бывает? Почему бы сразу несколько фильмов с Харатьяном не показать? Вот хотя бы про гардемарин... Тоже ведь очень интересно! Тем более сегодня суббота, уроки можно не делать.

Улеглась в постель с книжкой, но не читалось и не спалось. Все время прислушивалась – не ворохнет ли ключ в замочной скважине. И сердилась на себя, сердилась, что жду мать. Потому что – чего ее ждать-то? Может, она под утро придет? Или вообще, завтра к обеду. Или к вечеру. Как уж получится в боях по устройству личной жизни. Нет-нет, не ждет она маму, не ждет. Не маленькая, чтобы без мамы не спать. Стыдно должно быть. Не маленькая...

Ключ в дверях ворохнулся – еще и до полуночи далеко было. Надо же, дождалась. Не заснула.

Встала, накинула халатик, вышла в прихожую, щурясь от света. Мама сидела на пуфике, слегка вытянув ноги, оглаживала рукой ступни. Подняв на нее глаза, произнесла хмельно плывущим голосом:

– Новые туфли зачем-то надела. Так ноги устали, пальцев совсем не чувствую.

Марта кивнула, будто соглашаясь с проблемой. Уперлась плечом в дверной косяк, запахнула халатик поглубже. Надо было сказать что-то или повернуться и уйти, но она продолжала стоять молча, смотрела на мамины ноги.

– Ты как? Нормально? Я там тебе записку оставила.

– Да, я видела. Ты написала – поужинай.

Мама перестала растирать уставшие ступни, глянула удивленно. Наверное, услышала в ее бесстрастном голосе нотку обвинения. Помолчала, потом спросила с легким насмешливым вызовом:

– И что?

– Да ничего, – пожала плечами Марта. – Ты написала – поужинай, я просто не поняла, что ты имела в виду.

– А что тут непонятного? – поднимаясь с пуфика, с тем же легким вызовом ответила мама. – Ты не знаешь, как люди вечером ужинают? Только что родилась, первый день на свете живешь?

– Да я знаю, как ужинают. Я не знаю, чем конкретно я должна была ужинать.

Мама молча прошла мимо нее на кухню, открыла дверь холодильника, помолчала, потом произнесла тихо:

– Так яйца же есть, Марта. Могла бы глазунью себе сделать или всмятку сварить. И вообще, я не поняла, ты сейчас мне претензии предъявляешь, что ли?

– Нет. Ничего я не предъявляю. Тебе показалось.

– Да где уж, мне показалось! Мне вообще ничего никогда не кажется! Я же явно услышала в твоём голосе упрек, не надо мне тут изображать... Хочешь сказать, что плохая мать оставила бедную несчастную доченьку без ужина, да? И сколько же этой доченьке годочков, интересно? Три? Пять? А может, десять? А, бедная несчастная доченька?

– Мам... Ну не начинай, чего ты...

– Я начинаю? По-моему, это ты начинаешь, дорогая! А может, мне тебе такие же претензии предъявить, а? Почему ты для мамочки ужин не соизволила приготовить? Мамочка уставшая пришла, а ужина нет.

– Я ничего тебе не предъявляю, мам. Тем более я у Оли поужинала.

Мама повернулась к ней всем корпусом, ничего не ответила. Протянула руку, нащупала на холодильнике пачку сигарет, искала глазами зажигалку.

– Вон на столе, рядом с пепельницей, – тихо подсказала Марта.

Мама села на стул, положила ногу на ногу, прикурила молча. Движения ее были замедленными, взгляд то ли задумчивый, то ли равнодушно плывущий – такой взгляд обычно бывал у нее слегка под хмельком. Выпустив первую порцию дыма, вяло махнула ладонью перед лицом, проговорила тихо:

– Значит, у Оли поужинала, понятно. Да, теперь мне все понятно, что ж... Хочешь сказать, что у Оли хорошая мать, а у тебя плохая, да? Олина мать заботится о дочери, а у тебя мать по свиданиям бегает, своей жизнью пытается жить, сволочь такая, да? Олю мать любит, а тебя, бедненькую, совсем не любит?

– Все, мам, я спать пошла.

Марта развернулась, чтобы выйти из кухни, но мама остановила ее обиженным и по-прежнему слегка плывущим хмельным голосом:

– Нет уж, постой! Если начали, давай выясним все до конца! Чтобы недопонимания не было, чтобы лишнее масло в твоей глупой башке не каталось! Давай, садись, говорить будем! Ну!

Мама ногой подвинула кухонный табурет, показала на него пальцем. Марта села за стол, прикусив губу. Нет, плакать ей вовсе не хотелось. Наоборот, очень хотелось «выяснить», то есть расковырять в себе болезненную точку, которую мама назвала таким простым словом – недопонимание. Как будто, если ее и впрямь расковырять, понимание придет само собой. Да если бы так было на самом деле, господи!

– Значит, у Оли мама хорошая и добрая, а у тебя мать плохая и злая, – повторила мама, слегка качнувшись на стуле. – Олина мама живет интересами дочери, а твоей матери подобные интересы неинтересны? Это ты мне хотела сказать, да?

– Да, мам. Ведь на самом деле все так и есть, разве это неправда? – подняла на нее глаза Марта. – Оля с мамой очень близки, они живут, как две подружки, и мне иногда завидно становится, когда я за ними наблюдаю. Просто завидно, понимаешь?

– А что именно у тебя вызывает чувство зависти? Что мама облизывает Олю, как обезьяна облизывает своего детеныша? Что пылинки с нее сдувает? Что заменила свои собственные женские интересы интересами дочери? И ты считаешь, что этому можно завидовать, да?

– Ну да. А что в этом такого? Ты так говоришь, будто это очень плохо и неправильно.

– Да. Это плохо и неправильно.

– Но почему?! Почему, мам?

– Да потому! Потому что материнская обезьянья любовь – это преступление перед ребенком! Это такой огромный для него соблазн. А что хорошего в соблазне, скажи? Что хорошего в том, что ребенок с малолетства привыкает считать мать своей собственностью? На всю оставшуюся жизнь привыкает. Да что далеко ходить, моя дорогая, ты на нашу соседку посмотри, на бедную Валентину Ивановну! Вот уж кто полностью посвятил себя любимой доченьке. Да, она свою Маринку одна растила, с детства ее облизывала, во всем себе отказывала, чтобы у Мариночки все было. И счастлива при этом была, да. Не отрицаю, счастлива. Но эта разновидность счастья – тоже соблазн. Каждая мать, которая счастливо собой жертвует, потом оказывается у разбитого корыта, понимание содеянного приходит слишком поздно. Разговаривала я недавно с Валентиной Ивановной, плачет, жалуется на Маринку. Та из нее кого только не сделала! И домработница она у них, и гувернантка, и приемник для Маринкиного плохого настроения. Во всем у нее мать виновата, если послушаешь! Даже в том виновата, что слегла на неделю с гипертоническим кризом! Потому что подвела Мариночку, нервничать заставила! Пришлось Мариночке самой и обед для мужа готовить, и уборку делать, и уроки с детьми учить! И с работы отпрашиваться, чтобы сына-первоклассника из школы встречать. Просто ужас, как бедная Валентина Ивановна ее подвела! Так сердилась, так сердилась! Вот тебе и результат материнской обезьяньей любви, моя дорогая.

– Мам, но не у всех же так! Я даже представить себе не могу, чтобы Оля... Чтобы она так со своей мамой поступила.

– Всему свое время, моя дорогая. Погоди, материнская жертвенность Олиной мамы с годами застывает, войдет для Оли в константу. И я тебе больше скажу, я знаю, чем в конце концов такие отношения для матерей завершаются. Они завершаются в самом плохоньком доме старчества, куда дети-обезьянки благополучно сплавляют своих матерей.

– Это неправда, мам. Не надо так про Олю.

– Это правда, Марта. Горькая, но правда. Каждая мать должна изо всех сил сопротивляться зову жертвенности, который в ней заложен природой. Именно

должна, понимаешь? Чтобы не сотворить из своего чада монстра. Чтобы чадо само научилось прокладывать себе путь, ни на кого не надеясь. Чтобы научилось вырабатывать уважение к себе и к собственному пути. А вершина этого пути – осознанная благодарность к своей матери, что вовремя ушла в сторону и не мешала. Вот и выходит, как ни крути, что я самая правильная мать во всех отношениях, и зря ты на меня обижаешься, поняла?

– Да, мам. Я поняла. Только как с любовью-то быть? Не с облизыванием, не с помощью, а с любовью? Я вот вижу, например, что Олю мама любит...

– А я тебя что, не люблю?

– Иногда мне кажется, что совсем не любишь. Что я тебе мешаю жить своей собственной жизнью.

– Ну что ж, давай поговорим и об этом. Или ты как сейчас хотела? Спровоцировать меня на словесные излияния в любви, что ли? Да, я тебя люблю. Ты моя дочь, я твоя мать, и этого вполне достаточно. По-моему, ты вполне уже взрослая, чтобы суметь отказаться от слюнявого сюсюканья, от «лапочки», «зайчика» и «золотой рыбки», ли как там я тебя еще называла?

– Еще солнышком называла и ласточкой.

– Фу, пошлость какая. Неужели ты всего этого от меня до сих пор ждешь?

– Да нет, мам. Я не то хотела сказать... Я и сама уже не знаю, что я тебе хочу сказать, что объяснить. Хотя иногда и правда хочется, чтобы ты назвала меня солнышком и чтобы с работы домой торопилась, чтобы меня обнять.

– Я так полагаю, что это Олина мама всегда с работы домой торопится, чтобы прижать к сердцу любимую доченьку?

– Ну, допустим. И что в этом плохого?

– А я тебе уже объяснила, что есть в этом плохого. Лучше бы Олина мама своей личной жизнью занялась, было бы больше пользы и ей самой, и Оле. А в материнской жертвенности, между прочим, сокрыты даже два преступления,

если хочешь. Одно преступление – перед ребенком, а другое – перед самой собой. Чтобы потом, оглядываясь назад, не посыпать голову пеплом.

– Ну да. Ты посыпать голову пеплом не будешь, это уж точно. Ты свою жизнь скоро устроишь, наверное, ведь так? А я... До меня тебе дела нет!

– А у тебя-то самой, Марта? У тебя есть дело до самой себя? Что ты вообще о своей жизни думаешь? Или навсегда хочешь погрязнуть в своей инфантильности?

– Я вовсе не инфантильная, ты же знаешь!

– Да, знаю. И ценю в тебе твое стремление к самостоятельности. И не понимаю, почему ты этот разговор затеяла, заставила меня объяснять очевидные, в общем, вещи. Да, я не хочу быть жертвенной матерью, вернее, не позволяю себе этого. Ради твоего же блага не позволяю. Я хочу, чтобы ты умела выживать в любых условиях, даже тогда, когда совсем не будет никакого тыла, куда можно принести свои жалобы и слезы. Чтобы ты добывала себе все сама. Это как в притче про голодного, который сидит на берегу реки. Я тебе рассказывала эту притчу?

– Нет.

– Ну так послушай. Представь себе голодного человека на берегу реки. Мимо него проплывают рыбаки на лодках и дают ему рыбу из жалости. Он быстро съедает рыбу – и снова голоден. А один рыбак дал ему не рыбу, а удочку. Голодный возмутился: как же так? Вон, у тебя сколько рыбы в лодке, почему ты такой жестокий и жадный? А рыбак ему ответил: налови рыбу сам, и не будешь голодным. И обвинять никого не будешь в жадности и жестокости. Вот и я так же, моя дорогая, пытаюсь дать тебе в руки удочку. Чтобы ты сама. Да, я учу тебя выживать – и это дорогого стоит. Все, что могла дать, я тебе уже отдала. Ну, или почти отдала. Ты одета, обута не хуже других, ты школу вот-вот окончишь, в институт поступишь легко, я думаю. И в институте я тебя выучу, кормить-одевать буду. А дальше – сама. Больше мне тебе дать нечего. Домработницей для твоей семьи и гувернанткой для твоих детей я не буду. И больше еще скажу – насчет этой квартиры. Запомни, моя дорогая, это моя территория. Свою собственную территорию ты сама себе добывать будешь. Уж какими путями – не знаю, наверное, при помощи удочки, которую я тебе в руки даю. Ну, что так

смотришь? Я что-то ужасное сейчас говорю, по-твоему?

– Я не знаю, мам, что сказать. Я даже представить себе не могу, чтобы Олина мама сказала своей дочке что-нибудь подобное...

– Да что ты ко мне привязалась с Олиной мамой! Знаю я распрекрасно эту Олину маму, в одной школе когда-то учились! Обыкновенная курица, как все курицы-бабы! Судя по твоим рассказам, считает свою жертвенность святой материнской любовью, то есть прокладывает себе путь в никуда. Тоже со временем станет и домработницей, и гувернанткой, и объектом для раздражения, и ненавистой обузой в старости.

– Не станет! Олина мама никогда для Оли такой не станет! Просто потому, что она любит Олю, а Оля любит ее!

– Хм... Выходит, что ты меня так и не услышала и ничего не поняла.

– Да все я поняла, мам! Только, прошу тебя, не трогай примером ни Олю, ни ее маму. Ты же не общаешься с ними, а потому не знаешь...

– Хватит того, что ты с ними достаточно плотно общаешься! А ты не думаешь, к примеру, что мне это обидно слышать, а? Олина мама такая, Олина мама сякая... А у тебя мать – хуже некуда! Если я такая плохая, так и шла бы к Оле, и жила бы с ними, плыла по тому же течению! Может, и тебя оближут по случаю!

– Да, и пошла бы! – упрямо ответила Марта, полоснув по лицу матери злыми глазами.

– Ну так иди! Чего сидишь? Иди! – так же зло ответила мать, вставая из-за стола.

– И пойду!

– Иди! Скатертью дорога! Сижу тут с тобой, очевидные вещи втолковываю, и все как об стену горох! Ничего ты не поняла, зря только старалась! Иди, упади в подол Олиной маме, поплачься о своей горькой судьбинушке!

Марта посидела за столом еще пару секунд, потом резко сорвалась с места, кинулась в прихожую, натянула поверх ночной сорочки плащ, сунула ноги в туфли, дрожащими пальцами покрутила собачку замка, пытаясь открыть дверь. Мать стояла в проеме кухни, смотрела на нее исподлобья. Когда за дочерью с шумом захлопнулась дверь, выключила на кухне свет, подошла к окну. Проследила взглядом, как она бежит по двору, запахивая на ходу полы плаща. На миг пробежала по ее лицу судорога раскаяния, но тут же ушла, сменившись горькой усмешкой – ничего, ничего, пусть... Тоже на пользу пойдет! Жизнь все расставит по своим местам, еще благодарна будет за якобы материнскую жестокость. Лучше удочка в руке у голодного, чем сытая чужая жалость. Пусть, пусть.

Дверь Марте открыла Наталья Петровна, отступила испуганно назад в прихожую:

– Марточка? Почему ты так поздно? Случилось что-нибудь, да?

– Нет, Наталья Петровна, просто... Можно я у вас переночую?

За спиной Натальи Петровны уже переступала босыми ногами Оля, моргала сонными глазами. Не дав матери ответить, проговорила быстро:

– Мы вдвоем ляжем, мам. Иди спать...

– Но как же? – не унималась Наталья Петровна. – Надо же выяснить, что случилось...

– Да ничего не случилось! – вяло махнула рукой Оля. – Опять, наверное, с мамой поссорилась.

– Девочка моя, Марточка, ну как же так? – обняла Марту за плечи Наталья Петровна, помогла ей снять плащ. – Не надо никогда на маму сердиться, что ты. Мама же плохого тебе не желает! А хочешь, давай чаю на кухне попьем?

– Мам, поздно уже! Тебе на работу вставать рано, – недовольно проговорила Оля, увлекая Марту в комнату.

– Ну так и что, подумаешь, на работу. Надо же девочку успокоить, надо же выслушать, ведь жалко же девочку... Марточка, ты не плачь, пожалуйста! Все устроится, вот увидишь! И с мамой завтра непременно помиришься, разве мама плохого тебе желает? Она ж любит тебя, ты ж ей доченька родная, всякое в жизни бывает...

Ни Оля, ни Марта ей ничего не ответили. Скрылись за шкафом, пошептались немного через тихие всхлипывания Марты и вскоре затихли.

Наталья Петровна долго лежала, смотрела в темный потолок, вздыхала, не в силах заснуть. Думала свою думу. Как же так-то, господи? Как можно ребенка своего из дому отпустить, одного, ночью? Как так можно поссориться матери с дочерью, что родное дитя бежит к чужим людям поплакать. Да не приведи господи, если бы у нее с Оленькой было так! Бедная, бедная Марта...

Потом мысли ее плавно перетекли к собственным проблемам, которых было немало и которые надо было как-то решать. Вот, например, проблема номер один – Оленькин выпускной. Всего ничего осталось до выпускного, а у Оленьки нет платья. Жаль, что премию квартальную так и не дали, хоть и обещали, что будет. А она так рассчитывала на эту проклятую премию! И где теперь деньги брать, если зарплата такая, что едва хватает свести концы с концами? Придется как-то выкручиваться, экономить на всем, даже на парикмахерской. Да что там парикмахерская – во всем придется себе отказать, абсолютно во всем. А может, и продать что-нибудь придется. Колечко с аметистом, например. Жалко колечко, его Паша покойный дарил... Ну да ладно, и без колечка обойтись можно. И еще можно что-нибудь продать, надо подумать. А еще можно в столовке днем не обедать, с собой из дома что-нибудь брать. Правда, много на обедах не сэкономишь, но все же... А коллегам можно сказать, что за фигурой следит, к лету похудеть хочет. Правда, это «похудение» нелепо будет выглядеть на фоне обросшей до безобразия стрижки, отсутствия хорошего маникюра и старых, тоже до безобразия стоптанных туфель... Зато у Оленьки будет новое платье на выпускном! Не хуже, чем у других девчонок! А может, и лучше!

Успокоенная последней мыслью, она перевернулась на другой бок, закрыла глаза, улыбнулась. Что-то все-таки есть в осознании своей материнской жертвенности красивое и высокое. Такое высокое, что аж дух захватывает. И там, на вершине духа, видится Оленькина счастливая жизнь, и ничего не нужно более для матери, чем ощущение этого потенциального дочернего счастья... А разве может быть по-другому? Нет, не может. Если ты настоящая мать, конечно,

а не ехидна какая-нибудь, которая гонит своего ребенка в ночь, в одной ночной рубашке, прикрытой плащиком.

И уже в сонной совсем голове сформировалась последняя благая мысль – надо бы с утра блинов напечь, пока девчонки не проснулись. Будет воскресное чудесное утро, и все будет хорошо.

* * *

Марта проснулась от назойливого сытного запаха и долго не могла понять, откуда он взялся. Потом вспомнила вдруг – она не дома, вчера ведь к Оле пришла ночевать после ссоры с мамой.

Открывать глаза не хотелось. Наверное, рано еще. А запах... Это, наверное, Наталья Петровна на кухне возится. Она часто блины печет, говорит, что это большая экономия – и сытно, и дешево получается. А то, что это «сытно и дешево» на боках лишними килограммами откладывается, об этом Олина мама не думает. Да и Оля тоже не слишком этим обстоятельством озабочена. Вот странно – почему? Хотя это ее дело, конечно.

Потом ее мысли плавно перескочили во вчерашний вечер, в разговор с мамой на кухне. Странно, но никакой обиды на маму уже не было. Наверное, растворилась во сне, ушла в никуда. Сейчас даже и не вспомнить, зачем вчера унеслась из дома, зачем перепугала бедных Наталью Петровну с Олей.

Марта открыла глаза. Оля тоже не спала, смотрела на нее с улыбкой, подложив под щеку обе ладошки.

– Доброе утро! Проснулась наконец? А я лежу тихо, смотрю на тебя, боюсь разбудить.

– Ну и зря. Ты же знаешь, что я сова, могу по утрам долго спать.

– Ну да... – снова тихо проговорила Оля. – Ты сова, а я жаворонок.

– А чем это так пахнет, Оля? – спросила Марта, потянув носом воздух.

- Это мама рано встала, блинов напекла.

- Ну, я так и поняла... - незаметно для Оли ухмыльнулась Марта.

- Мама нас не будит, жалеет, наверное. Ну что, подъем? Тем более скоро Димка придет.

- Димка? С утра в воскресенье? Зачем?

- А я обещала с ним физикой позаниматься. Когда я ему объясняю, он все понимает. Наверное, потому, что я ему очень нравлюсь... Как думаешь?

- Да тупой твой Димка, если с первого раза не понимает, вот и все объяснение!

- Ну зачем ты так, Марта! И вовсе он не тупой, он очень способный, между прочим. Да, ленивый немного, но способный!

- Ладно, не сердись. Мне ведь просто за тебя обидно, зачем ты к этому Димке прилипла. Могла бы и лучше найти. Тем более все равно у вас с Димкой ничего не получится, зачем только время тратить...

- Это почему же у нас ничего не получится? - удивленно моргнула Оля, садясь на постели.

- Да потому, что скоро начнется совсем другая жизнь! Вот поступим с тобой в институт, и начнется! Другие знакомства будут, другие отношения. Студенческая жизнь такая насыщенная, такая интересная! И ребята будут более интересные.

- А мне никаких других и не надо! Мне Димка нравится! А если тебе он не нравится, то это еще ничего не значит. Да ты и не влюблялась еще ни разу и потому не понимаешь, что это такое. А мы с Димкой... У нас...

- Ладно-ладно, поняла я тебя, поняла! - легко шлепнула Марта Олю по спине. - Остановись, хватит кудахтать, можешь не продолжать! Я так уже поняла, что лучше Димки никого на свете нет! Давай будем подниматься, я домой пойду...

- Как - домой? - обернулась Оля испуганно. - А завтракать?

- Не хочу. Я утром только стаканом кефира завтракаю. И то не всегда.

- Да погоди, Марта, что ты, не уходи, пожалуйста, - тихим испуганным шепотом запричитала Оля. - Мама же специально рано встала, чтобы блинов испечь, она же старалась, Марта. Скорее для тебя больше старалась, чем для меня. Ну, пожалуйста...

- Да ладно-ладно, останусь я! - отмахнулась Марта, скидывая ноги на пол и оправляя ночную сорочку. - Просто мне как-то непривычно, что для меня кто-то старается, даже неловко как-то. Будто я должна чего-то взамен.

- Ой, какие глупости говоришь, Марта! - всплеснула руками Оля, округлив глаза. - Что значит - неловко? Что значит - взамен должна? Я вообще этого не понимаю!

- Не понимаешь, потому что привыкла, что мама перед тобой ковровой дорожкой расстилается. А я... Я нет, не привыкла. Я свои ковровые дорожки сама себе искать буду, поняла? И мы еще посмотрим, куда они меня приведут! И куда тебя мамины старания приведут, тоже посмотрим.

- Ой, как странно ты договоришь, будто злишься на кого-то.

- Да ни на кого я не злюсь! Я просто говорю - посмотрим. Позже делать выводы будем, ага?

- А по-моему, ты сейчас из мухи слона делаешь, только и всего. Нет, правда... Целую теорию из маминых блинов вывела. Проще надо жить, Марта, понимаешь? Проще...

- А я не хочу проще. Я сложнее хочу.

- Ну ладно, не будем спорить. Скажи лучше, ты первая умываться пойдешь?

- Да мне без разницы.

– Тогда я первая! – встрепенулась Оля, глянув на часы. – А то вдруг Димка придет. Вон, утро уже позднее. И накинь мой халат, что ты будешь, в ночной рубашке?

– Боишься, что я своими кружавчиками твоего Димку соблазну, да?

– Ой, ну что ты говоришь, Марта.

– Ладно, ладно, иди. Не бойся, не соблазну. Мне твой Димка совсем без надобности.

Оля ушла в ванную, а Марта, потягиваясь, подошла к окну, отодвинула портьеру, глянула вниз. И усмехнулась удивленно – надо же, сидит уже на скамье у подъезда! Димка! Легок на помине! И не заходит, время для приличия выжидает, наверное.

Нет, он был ничего себе – Димка. Симпатичный. И довольно-таки уверенный в себе, ничего не скажешь. Хотя за этой уверенностью, кроме юношеского спортивного разряда по легкой атлетике, ничего и не стоит. В математике и физике – дуб дубом, в гуманитарных предметах – и того хуже. Но у них это семейное, наверное. Потому что мама у Димки – школьный физрук. И два младших Димкиных брата тоже зацепились за спорт, с утра до вечера на школьном стадионе ошиваются, а что им еще остается делать при таком раскладе? И живут они все вместе в маленькой двухкомнатной квартире в соседнем доме. Так что кавалер из Димки в этом плане совсем уж бесперспективный! Разве что для Оли подойдет.

А поначалу Димка к ней подкатывал, конечно. Очень настойчиво подкатывал. Хотя Оле она об этом не рассказывала – зачем? Пусть думает, что она первая и единственная. И тем не менее, где-то в глубине души приятно было думать, что стоит только пальчиком Димку поманить... И ведь все тогда встанет на свои места! И никакой тебе «первой и единственной» не будет! Ша, подруга, знай свое законное место! Да только зачем ей Димка? Вот зачем? Физикой с ним заниматься? В кино ходить? На пустом стадионе сидеть вечерами да целоваться? Нет уж, увольте. Совсем он ей не нужен. А если Оле нужен, так и пусть радуется. Для подруги ничего ведь не жалко, правда?

Марта усмехнулась и обернулась к Оле, вошедшей в комнату, и проговорила весело, так и не стерев усмешки с лица:

- Глянь-ка, Оль. Как говорится, наш пострел везде поспел. Вы не ждали, а мы приперлися! Под окном стою я с гитарой!

- Ой, Димка! – радостно пропела Оля, глянув в окно. – А чего он там сидит, почему не заходит, как думаешь?

- Он ждет, когда ты умоешься и причешешься и когда твоя мама достаточно блинов напечет, чтобы и на его долю хватило.

- Так надо ж его позвать! Я сейчас сбегаю...

- Ага, давай. Смотри не упади, коленки не разбей.

- Думаешь, не надо звать, да?

- Конечно, не надо. Сам придет. Не надо терять достоинства.

- Но разве достоинство в этом?

- А в чем?

- Ну, я не знаю... Я ведь сама его позвала физикой заниматься.

- Вот видишь – сама позвала! Этого вполне достаточно. Зачем еще вниз-то бежать, Оль? Он ведь тут же возомнит о себе...

- Ну что, что он возомнит?

- Что ты его любишь! Что ты за ним сломя голову бежать готова!

- Но я и так его люблю. И он меня тоже... Мы ж давно все меж собой выяснили.

- Ну, раз так... Наверное, уже и замуж пора?

- И про это мы уже говорили, да...

- Серьезно? И когда ж свадьба?

- Ну, до свадьбы еще далеко, что ты. Сначала мы в институт поступим, потом окончим хотя бы три курса, а потом, где-нибудь на четвертом курсе...

- Да ты что?! Вон даже как?

- Марта, ну чего ты злишься? Да, я не говорила тебе, потому что примерно такой реакции и ждала.

- С чего ты решила, что я злюсь? Я вовсе даже не злюсь, я просто удивляюсь, как у тебя все легко!

- А что тут может быть сложного? Все как у всех. Полюбили друг друга, поженились. Все очень даже просто!

- Ну, это тебе только кажется, что все просто. Вот скажи мне, к примеру, где вы после свадьбы жить собираетесь? Неужто в Димкиной квартире? Что, вместе с нашей физручкой и Димкиными братьями? На кухне две раскладушки на ночь ставить?

- Ну, мы еще об этом не думали, где будем жить... Может, здесь, у меня.

- Ну да. За шкафом ночевать удобнее, конечно, чем на раскладушке на кухне.

- Марта, я не понимаю, почему ты все это мне говоришь? Зря я тебе открылась, да?

- Оль, ну при чем здесь открылась или не открылась! Суть же не в этом!

- Может, и не в этом. Но ты такие вопросы задаешь, ядовитые...

- Почему ж ядовитые? Они обыкновенные, жизненные. Просто я реально смотрю на вещи, а ты...

Марта вдруг запнулась, представив на секунду всю эту картину. Димка и Оля живут здесь, в этой комнате, вместе с Натальей Петровной. Изо дня в день, изо дня в день. Потом Наталья Петровна начинает страшно раздражать Димку, и Олю тоже. Потом у них ребенок рождается, и... Бедная, бедная Наталья Петровна!

Боже, а ведь мама права. Зря она вчера с ней спорила. Нельзя приносить себя в жертву, видимо, и впрямь наша жизнь так устроена.

И, повернувшись к Оле, закончила свою фразу неожиданно тихо:

– ...А ты в облаках витаешь. Мамина любовь тебя на эти облака забросила, Оленька, вот что я тебе скажу. Только падать потом с этих облаков больно, понимаешь?

Оля ничего не успела ей ответить – бросилась в прихожую на звук дверного звонка. Вскоре Марта услышала быстрый и радостный говорок Натальи Петровны:

– Ой, Димочка, доброе утро! Ты как раз вовремя, сейчас будем завтракать! Оля, а Марточка уже проснулась? Она с чем любит блины, с маслом или со сметаной? А ты, Димочка, с чем любишь?

Марта накинула Олин халатик, вышла в прихожую. Димка улыбался, пожимал плечами и краснел от смущения – слишком стремительно обрушила на него свое гостеприимство Наталья Петровна. Но вскоре пришел в себя, с удовольствием прошел на кухню и вполне удачно освоился за столом, заняв самое удобное место – напротив окна.

За завтраком говорили о наболевшем – про школу, про экзамены, про поступление в институт. Наталья Петровна вздохнула, уточнила в который уже раз:

– Значит, все-таки в политехнический решили, девчонки?

– Мам, ну а куда еще? – нетерпеливо пожала плечиком Оля. – Не в педагогический же нам податься, правда?

– Ну, не знаю. А чем плохо в педагогический? Тем более ты у меня чистый гуманитарий, Оленька.

– Не, мам. Не хочу. Марта решила в политехнический поступать, и я тоже.

– Только потому, что Марта решила? – тихо уточнила Наталья Петровна, осторожно поднимая глаза на дочь.

– Нет, мам, это мы вместе решили.

– Ну, понятно. А ты, Димочка, куда будешь поступать?

– Так я, это... – отчаянно смутился Димка, мельком глянув на Олю. – Как бы тоже в политехнический.

Марта аккуратно поставила чашку с чаем на стол, долгим взглядом посмотрела на Олю, будто требовала от нее объяснений.

– Ой, Марта, я забыла тебе сказать. Все время хотела сказать, и все как-то не получалось... – залепетала Оля, виновато улыбаясь. – В общем, Димка решил вместе с нами в политехнический!

– И тоже на инженерно-экономический факультет? – уточнила Марта, удивленно поднимая брови.

– Не, инженерно-экономический мне не осилить, – быстро проговорил Димка, будто тем самым спасая положение и будто защищая Олю. – Я все равно туда по баллам не пройду. Мне бы чего-нибудь попроще, где обычно недобор бывает, где можно на тройки сдать и поступить.

– Но обязательно в политехнический, да? – снова насмешливо уточнила Марта. – Куда иголочка, туда и ниточка?

– Я не понял, – обиженно улыбнулся Димка. – Ты что, против, что ли?

– Ну почему, – пожала плечиком Марта. – Мне вообще никакого дела нет, куда ты пойдешь. С нами так с нами, ради бога...

Оля вздохнула с облегчением, переглянулась с Димкой, с удовольствием надкусила свернутый в аппетитную трубочку блинчик. Наталья Петровна смотрела на дочь то ли задумчиво, то ли с потаенной тревогой. Хотя ее ласковая улыбка ни о какой тревоге не говорила, если только в глазах можно было ее разглядеть... Но кто заглядывает в материнские глаза в такую пору, когда детство уже закончилось, а взрослая жизнь еще не началась? Да и зачем заглядывать, если сам о себе все уже понимаешь, ну, или почти понимаешь.

Марта взяла в руки чашку с чаем, отпила глоток и заставила себя улыбнуться, хотя улыбаться ей вовсе не хотелось. И не потому, что узнала новость про Димку, а просто не хотелось, и все. Отчего-то неприятно на душе было, будто ее обманули, вероломно лишили чего-то. Того самого, что у Оли на данный момент было, а у нее не было.

Да, именно так! У Оли было, а у нее не было. За Олиной спиной стояла Димкина преданность, а за спиной Марты ничего не стояло. Хотя – зачем ей Димкина преданность, и даром не нужна. Да если б она только захотела, у нее бы этих «преданностей» было – вагон и маленькая тележка. Но тем не менее факт остается фактом. У Оли – была, а у нее – не было. Ощущение не из приятных, конечно.

Вспомнилось вдруг, как говаривала в таких случаях мама. Надо, мол, бороться со всякого рода ощущениями, надо выдавливать их из себя, чтобы жить не мешали. Потому что разумом надо жить, а не чувствами. Да, именно так, все правильно. А разум в данном случае что говорит? Он говорит, что подобная мужская «преданность» должна нести в себе какую-то пользу. Чтобы ее можно было на хлеб намазать, как масло, и съесть с большим удовольствием. А разве Димкину преданность можно съесть? Много ли от нее проку? Вон и сам Димка вовсе не дурак на халяву в Олином доме блинов поест и со сметаной, и с маслом...

– Марточка, ты о чем так задумалась глубоко? – спросила Наталья Петровна, подкладывая ей на тарелку еще блинов. – Ешь давай, остынут.

– Ой, спасибо, Наталья Петровна, я больше не хочу. Я, наверное, домой пойду. Спасибо.

– Ну что ж, иди. Мама, наверное, тебя ждет, переживает.

- Да. Вы не провожайте меня, я дверь захлопну.

На улице было солнечно, ясное апрельское утро обещало хороший день. Марта застегнула на все пуговицы плащ, пытаясь спрятать ночнушку, сунула руки в карманы, медленно пошла дворами к своему дому. Думала, что скажет маме, когда войдет. Или ничего не скажет, просто уйдет в ванную, встанет под душ. А потом, когда выйдет из ванной, там видно будет.

Мама открыла ей дверь, улыbnулась насмешливо, но вполне миролюбиво. И тут же скомандовала весело:

- Значит, на сегодня у нас план такой! Для начала перекусим чего-нибудь.

- Я уже позавтракала у Оли, - с тихим вызовом ответила Марта, глянув на мать исподлобья.

- Ну, тем более! Значит, перекус отменяется! Сейчас вместе уберемся в квартире, потом в магазин ходим, какой-нибудь еды себе добудем, а то холодильник и впрямь пустой. А потом поедем к одной моей знакомой, ты платье примеришь.

- Какое платье? - осторожно спросила Марта, продолжая глядеть на мать исподлобья.

- Какое тебе и не снилось! Импортное, финское, умереть не встать! На выпускном самая красивая будешь! Все твои подружки от зависти упадут и сами собой в штабеля станут укладываться!

- Ой... Так оно ведь страшно дорогое, наверное.

- Конечно, дорогое. А ты думала!

- Мам...

- Да нет, ты меня не поняла, я не собираюсь его покупать, еще чего! Я договорилась, что моя знакомая даст его тебе на выпускной. А что? По-моему, блестящее решение проблемы, ты не находишь? И денег выкидывать на всякую

ерунду не надо, и выглядеть будешь лучше всех, это я тебе гарантирую! Только, чур, пятен не посади, иначе покупать придется! Мне даже произнести страшно, каких денег оно стоит! Ну, чего так смотришь? Хорошо я придумала с платьем, скажи?

- Да, мам, здорово.

- А то! Вот так и надо жить, моя дорогая. Выкручивать эту жизнь, выворачивать, выжимать из нее все соки. Ничего не платить, но всегда и везде быть победительницей. Не жертвой, не дай бог, а победительницей! Поняла? Чего молчишь? Вот учу тебя, учу...

- Да, мам, я поняла. Ты прости, что я вчера...

- Да ладно. Я тоже была не права, наехала на тебя. Просто вечер был неудачный. Ну что, приступаем к исполнению наших планов на выходной? Вперед и с песней, и будем ловко и весело обманывать эту жизнь?

- Да, мам, будем!

- Вот и правильно! Наконец-то научилась меня понимать! Молодец!

* * *

Оля и Марта нашли свои фамилии в списке абитуриентов, зачисленных на инженерно-экономический факультет, взвизгнули по очереди, обнялись, и даже удалось им попрыгать немного, не разжимая счастливых объятий. Но вскоре толпа страждущих оттеснила их в сторону, и кто-то пребольно сунул свой локоть Марте под бок и прошелся острым каблуком по большому пальцу ступни, высунувшемуся из открытого мыска босоножки. Но разве можно было огорчиться по столь незначительному поводу?

- Ой, а мы ж ничего про Димку не знаем. Давай к нему сбегает!

- Да поступил твой Димка, не сомневайся! На его факультет сразу недобор был! Какой нормальный человек потащится поступать на технологию силикатов? Только Димка, собачий хвост...

- Как? Как ты его назвала? – обиженно отпрянув, протянула Оля.

- Собачий хвост! А что, разве не так? Потащился за тобой в институт, хотя сто лет нужна ему эта технология силикатов. Я вообще не понимаю, зачем он тебе нужен, Оль. Только зря время теряешь.

- Это почему же зря? – снова обиженно протянула Оля.

- Да потому! Бесперспективный твой Димка, вот что. Я тебе уже говорила об этом, да только ты меня слушать не хочешь.

- А ты, стало быть, перспективного себе присматриваешь?

- Да, присматриваю. Зачем мне собачий хвост?

- Вот и присматривай! А Димку моего не трогай!

- А я его трогаю, да? Трогаю?

Они стояли друг против друга, наполненные вызовом, как давеча были наполнены взаимной радостью, и будто ждали той секунды, той самой последней искры, из которой вспыхнет и возгорится пламя большой ссоры.

Но Марта опомнилась первой – ссориться с Олей ей вовсе не хотелось. И потому, улыбнувшись, она произнесла с легким веселым покаянием, слегка толкнув Олю в плечо:

- Не трогаю я твоего Димку, брось на меня волком смотреть! Давай и впрямь сбегает на «технология силикатов», списки посмотрим!

- Давай, – неуверенно улыбнулась в ответ Оля.

Взявшись за руки, они понеслись по длинным коридорам и переходам огромного здания института и с разбегу вклинились в клубящуюся нервную толпу абитуриентов, страждущих увидеть свою фамилию в списках не престижного, но таки полноценного институтского факультета. И тут же обернулись на

радостный Димкин клич:

- Оля! Марта! Не бейтесь там, я поступил! Есть моя фамилия в списках!

Оля завизжала, запрыгала, завертелась вокруг себя, потом радостно бросилась на шею подбежавшему Димке. Марта смотрела на нее снисходительно – надо же, какое счастье, подумаешь. За себя меньше радовалась, чем за Димку. Но все-таки подошла ближе, улыбнулась Димке легко:

- Поздравляю! А чего про нас-то не спрашиваешь, Дим, поступили или нет?

- Так это и так ясно, кто б сомневался, – пожал плечами Димка.

- Да, мы поступили, поступили! – продолжала бушевать радостью Оля.

- Здорово! А на какой факультет?

Голос прозвучал будто ниоткуда, будто вклинился лишним звеном в их почти интимную радость, но Димка почему-то живо откликнулся на этот голос, развернувшись всем корпусом к незнакомому парню, стоящему у него за спиной.

- Познакомься, Денис, это... Это мои одноклассницы. То есть не совсем одноклассницы. Это Оля, моя девушка, а это Марта, ее подруга.

- Очень-очень приятно, – расплылся в улыбке новый знакомый по имени Денис и даже, кажется, шаркнул ножкой, вызвав недоумение в глазах Марты.

Конечно, недоумение. Такой весь... никакой – нелепый, рыхлый, еще и чубчик прилизанный. А туда же, ножкой шаркает, смотри-ка. Гусар «технологии силикатов». Чудо в перьях.

Наверное, парень почувствовал на себе ее насмешливо-неприятный взгляд – втянул голову в плечи и тут же вытянул ее обратно, и потрогал зачем-то свой чубчик на лбу: то ли пригладить хотел, то ли наоборот – растрепать. Потом произнес неуверенно:

- А может, в кафе пойдем, девчонки? Отметим? Я угощаю...

– А денег-то у тебя хватит, Денис? – весело спросила Марта, переглянувшись с Олей.

– Да... Хватит, конечно, не беспокойтесь.

– А мы и не беспокоимся, правда, Оль? Это ты беспокойся, если пригласил! Ну, чего стоим, кого ждем? Идемте, и правда чего-то есть захотелось! Перенервничали, наверное!

Вышли на широкое округлое крыльцо здания факультета, спустились по ступеням. И вдруг, откуда ни возьмись, налетела на них какая-то тетка, кинулась к Денису с отчаянным воплем:

– Деничка, ну что же это такое, а? Почему так долго? Я сижу в машине, с ума схожу! Говори, Деничка, умоляю? Ты видел списки? Твоя фамилия там есть?

– Мам, ну что ты, в самом деле, – попытался снять с предплечья цепкую мамину руку Денис. – Успокойся, мам, есть моя фамилия в списках, есть...

– Уф... Боже, гора с плеч! Счастье-то какое, Деничка... – плаксиво проговорила переволновавшаяся мама и только в следующую секунду заметила, что сыночек-то, оказывается, не один. С девушками сыночек-то.

Почему-то это обстоятельство ее страшно смутило. Не в том смысле смутило, что – ах, кто вы такие и что рядом с моим сыном делаете, негодяйки! – а в том, что стыдно стало за свое материнское кудахтанье, наверняка не принесшее дополнительных баллов в пользу будто бы взрослого сына. Она даже губу прикусила стыдливо и, так же стыдливо глянув на сына, отступила на шаг назад. И поговорила тихо:

– Прости, сынок. Я просто переволновалась очень. Но я в машине ждала, в институт не заходила... как ты и просил.

– Ладно, мам. Поезжай домой, успокойся. Все хорошо, – досадливо проговорил Деничка, кося глазом на новых знакомых.

– А может... Может, мы все вместе поедем, а? К нам домой! Я стол накрою, отметим, – просительно проговорила мама.

– Да мы вообще-то в кафе собрались, – снова досадливо ответил матери парень.

– Да, конечно. Как хочешь, Деничка. То есть Денис... Как хочешь, конечно. Ой, что-то у меня голова закружилась... Ой, давление упало, слишком я переволновалась, наверное.

Она и впрямь покачнулась слегка, прижав ладони к вискам, и Деничка, то бишь Денис, ловко подхватил ее под локотки, виновато улыбнувшись именно Марте. Не Оле, не Димке, а Марте.

А она даже не поняла, что ее толкнуло улыбнуться ему в ответ. Это было довольно странное чувство. Не жалость к переволновавшейся мамаше, нет. И не участие к нелепому Деничке. И уж вовсе оно не было похожим на показушное сожаление в глазах Оли и Димки по поводу маминого плохого самочувствия. Нет, это было что-то другое. Будто звоночек внутри прозвенел – дзынь! Будь внимательна, будь начеку, должно произойти что-то важное для тебя.

– А давайте мы и в самом деле к вам поедем, хотите? – шагнула она к женщине, улыбаясь. – И вместе отметим наше поступление в институт?

– Да, конечно! – моментально оживилась Деничкина мама, благодарно взглянув на Марту. – Мы ведь недалеко живем, всего два квартала отсюда. Сейчас я в себя приду, и поедем. Да и уже все хорошо, и голова больше не кружится! Идемте в машину, я в ближайшем переулке припарковалась. Идемте!

Деничка пошел с мамой к машине, по-прежнему держа ее за локоток и лихорадочно оглядываясь назад, словно боялся, что новые знакомые вдруг исчезнут в неизвестном направлении. Марта тихо спросила у Димки, продолжая механически улыбаться:

– А кто он такой, этот Деничка? Судя по маме с машиной, не из простых смертных, я правильно поняла?

– Ну да, в общем и целом правильно. Смешной такой чувак, ага?

- Я у тебя не про чувака конкретно спрашиваю, а про то, каких он кровей.

- Ишь ты, каких кровей, - нехорошо усмехнулся Димка. - Будто про жеребца спрашиваешь. Стойку сделала, что ли? На голубую кровь потянуло?

- А она что, и впрямь у него голубая?

- Не знаю, может, и голубая. Пацаны рассказывали, что были у него дома, когда первый экзамен сдали.

- И что?

- Да ничего. Красиво живут, богато. Квартира большая. В квартире только Денис да мама, и домработница приходящая, а самого папы на горизонте не видно.

- Помер, что ли?

- Да нет, живой папа-то. У него другая семья, на молодой женился, других детей себе народил. Судя по всему, старой женой и старым сыном интересуется мало, больше деньгами откупается.

- А откуда ты знаешь такие подробности?

- Так мне Денис потом сам рассказывал... Я как-то спросил у него - почему на такой не престижный факультет поступаешь, мог и лучше выбрать! А он, знаешь, так откровенно мне заявил - мама, мол, настояла, чтобы наверняка, чтобы в армию не забрали, потому что папа не захотел помогать с поступлением. Достаточно, говорит, что я денег даю. В общем, прорвало парня на откровения, ага.

- Тихо, Димка. Вдруг они услышат.

- Не услышат. Тем более мы уже пришли. Вон их машина стоит, видишь?

- Ух ты... Бежевая «Волга»!

- Ну, я ж говорю - в стойку встала! Вся ты в этом и есть. Хорошо, что Олька не такая.

- Иди ты знаешь куда?

- Знаю. Сама туда иди. Больших успехов добьешься.

Марта не смогла ничего ответить, только закатила глаза и улыбнулась ехидно - ну-ну, давай живи в своей досаде и дальше, ясное дело, с каким удовольствием ты оказался бы на месте этого Денички. Но ведь не оказался и никогда не окажешься. И ничего с этим не поделаешь. Придется радоваться тому обстоятельству, что «Олька не такая». Зелен виноград, ох, зелен...

И квартира, в которой проживал Деничка вместе с мамой, произвела на Марту большое впечатление. Все эти несчитанные квадратные метры, большие окна и высокие потолки, все эти мягкие ковры и тяжелые портьеры властно втягивали ее в себя, открывались всеми возможными бытовыми комфортными прелестями, искушали, подавляли сопротивление.

Впрочем, она и не сопротивлялась. Она с удовольствием отдалась в этот плен, пусть и короткий. На миг задержавшись у «горки» в гостиной, чтобы рассмотреть невиданные синие фужеры с золотым ободком, поймала свое отражение в зеркале - щеки покраснелись, глаза горят зеленым огнем. Да, у нее очень красивые глаза. Зеленые. С мелкими золотыми крапинами. Но они редко бывают такими яркими, а сейчас - прямо светятся. Ой, неспроста...

- Эти фужеры я из Чехословакии привезла, - услышала она за спиной тихий голос Деничкиной мамы. - Это настоящее богемское стекло... Нравится?

- Да, очень, - уважительно кивнула Марта, - и вообще, у вас так хорошо, так уютно и с большим вкусом все устроено... Видно, что вы очень любите свой дом.

- Спасибо, девочка. Кстати, почему мы до сих пор не познакомились? Как-то все второпях, на бегу... Меня зовут Ирина Ильинична. А тебя?

- А меня - Марта.

- Какое красивое имя! И ты тоже очень красивая. А подружку твою как зовут?

- Оля. А Дима - это ее парень.

- А у тебя, стало быть, парня нет?

- Нет пока... Но я как-то не тороплюсь, знаете. Всему свое время. Я буду только с тем, кого на всю жизнь полюблю. Я перфекционист в этом плане.

- Ой, девочка, не зарекайся. Жизнь такая длинная, такая непредсказуемая... Бывает, что не дает возможности управлять своими чувствами.

- Ой, а это кто? Неужели это Денис? - с живым интересом спросила Марта, останавливаясь перед детской фотографией в красивой рамке. - Какой хорошенький, с ямочками на щечках, прелесть какая...

Ирина Ильинична посмотрела на Марту с благодарностью, за которой пряталось ее материнское обеспокоенное тщеславие. Потому обеспокоенное, что милая детская пухлость сына с годами трансформировалась в явный лишний вес, вялые покатые, почти женские плечи и соответствующие юношеские комплексы. Но ведь на детской фотографии ее Деничка и впрямь - прелесть...

Ее вывела из тихой задумчивости подкрадываясь на цыпочках домработница Маруся, спросила почти интимно:

- Ирина Ильинична, из горячительного что на стол выставлять? Они ж вроде не взрослые еще, гости-то Деничкины... Поди коньяк не пьют... Может, вино какое-нибудь легонькое? Как думаете?

- Да, пожалуй... - задумчиво откликнулась Ирина Ильинична. - Достань из бара бутылку «Киндзмараули».

- А какая она из себя? А, знаю! Это как раз то самое вино, которое Владимир Сергеевич любил. Грузинское... Правильно?

- Да. Правильно, - холодно подтвердила Ирина Ильинична и сердито махнула в сторону Маруси рукой, иди, мол, делай свое дело.

Потом глянула на Марту, пояснила зачем-то:

- Владимир Сергеевич - это отец Дениса, но мы не живем вместе. У него другая семья.

- А мы с мамой тоже живем вдвоем, - тихо откликнулась Марта, пытаюсь попасть в нужную случаю тональность. - У моего отца тоже другая семья...

- Да? - ласково оживилась Ирина Ильинична и даже улыбнулась почти заговорщицки. - Но ведь в этом нет ничего страшного, правда, Марточка? Ты ведь не чувствуешь себя... как бы это сказать?..

- Закомплексованной? - попыталась подобрать нужное слово Марта, и Ирина Ильинична подхватила его горячо, как спасительный круг:

- Да, да, именно так! Закомплексованной! Ведь ты себя ею не чувствуешь, правда?

- Нет, нисколько. Родительские отношения никак не должны влиять на жизнь детей, я считаю.

- О, если бы это было так, девочка... - тихо вздохнула женщина, отводя глаза. - Если бы это было именно так... Денис, например, очень тяжело переживал, когда его отец от нас уходил, и отношения у них потом не сложились... Нет, материально он нас прекрасно обеспечивает, конечно. Хотя это ведь самое легкое - откупиться от сына деньгами. А дальше - как хочешь. Даже не стал ему помогать с поступлением в институт, представляете? Заявил мне - пусть в армию идет, если сам поступить не может! Это Денис - в армию! Представляете? И как только у него язык повернулся! А я так испугалась, знаете ли... А вдруг и впрямь не поступит? Потому и выбрали мы этот не совсем престижный факультет в политехническом, чтобы уж наверняка поступить. И все равно я страшно переживала - а вдруг?!

- Ну, все же обошлось, Ирина Ильинична, - ободряюще улыбнулась Марта.

- А ты? Ты тоже поступила на «технологии силикатов»?

- Нет, мы с Олей на инженерно-экономическом факультете будем учиться.

- О! Инженерно-экономический! Самый престижный факультет! Отец Дениса тоже учился на инженерно-экономическом. Я знаю, туда очень трудно поступить. И тем более ты умница, Марта, и подруга твоя тоже умница.

- Спасибо, Ирина Ильинична.

- Да что там – спасибо! Мы сейчас ваше поступление отметим с размахом! Что у нас там с закусками? Эта Маруся такая неповоротливая! Пойду разберусь... А ты осваивайся, Марточка, осваивайся! Надеюсь, ты у нас теперь будешь частой гостьей! Ты и твои друзья! Кстати, зови их, они, по-моему, в комнате у Дениса!

Когда усаживались за стол, Марта выбрала место рядом с Денисом. Он был смущен и скован, и даже выпитый бокал вина не смог уничтожить эту скованность. Марта же вино только пригубила и вообще изо всех сил старалась изобразить из себя изящную леди, которая ненавязчиво пытается оказать знаки внимания понравившемуся мужчине – если можно так назвать неловкого во всех отношениях Деничку, конечно. В конце концов ее усилия увенчались успехом, а может, сыграл свою роль выпитый Деничкой второй бокал вина. Наклонившись к ее уху, он прошептал испуганно:

- А хочешь, в субботу на концерт пойдём? Я билеты достать могу... То есть у мамы знакомая есть, которая любые билеты достать может.

- Пойдем. А что за концерт? – проявила мгновенный интерес Марта.

- О, это такая клевая группа! О них сейчас много говорят, и танцуют они классно. «Кар-Мэн»... Может, слышала?

- Слышала, конечно! Да, я хочу на них посмотреть! Очень хочу!

- Ну все, значит, в пятницу созвонимся. У тебя телефон дома есть?

- Есть.

- А ты далеко живешь? В том же районе, что и Димон?

- Ну да...

- Можно я тебя потом до дома провожу?

- Можно, конечно. Спасибо тебе, Денис. А то я чувствую себя с Олей и Димкой третьей лишней, сам понимаешь, как неприятно.

- А у тебя разве нет парня?

- Нет...

Денис глянул на нее сквозь хмельную поволоку, улыбнулся неловко. За этой неловкостью пряталось явно недосказанное, нерешительно-грустное – мол, я бы себя с удовольствием предложил в твои «парни», но ведь это неправильно как-то... Ты такая красивая, а я...

- Терпеть не могу смазливых нахалов, – пришла ему на подмогу Марта. И добавила с тихой уверенностью: – Мне нравятся такие, как ты, воспитанные и умные.

Уверенность в голосе была не настолько тихой, чтобы ее не могла услышать Ирина Ильинична. Марта и сама удивлялась открывшейся в ней хитрости, казалось бы взявшейся из ниоткуда, но это была именно хитрость, та самая лисья хитрость из детской сказочки... Как там, в сказочке-то? У зайчика избушка была лубяная, а у лисички ледяная? Можно, дорогой заюшка, я в твоей избушке погреюсь? Я хорошая лисичка, я даже маме твоей сразу понравилась... Не бойся меня, заюшка, я пока и сама не знаю, зачем так стараюсь понравиться, наверное, так надо. По всем сказочным канонам, наверное.

Марта действительно не знала – зачем, но что-то подсказывало ей изнутри, что так надо, и даже не подсказывало, а упрямо толкало в нужном направлении. Ты, мол, иди, а зачем – позже разберешься.

Она и пошла. И на концерт с Деничкой пошла, и в кафе, и в пешую прогулку по тихим парковым аллеям, а через пару дней еще и в кино, и снова в пешую прогулку. Шла рядом, исподтишка наблюдала и делала вывод – поплыл Деничка. Очень быстро поплыл. Практически сразу. А через месяц почти выдохся от

изнемоги-влюбленности, глядел так страдальчески, будто помирать собирался. А она вдруг испугалась – зачем ей Деничкина изнемога, зачем Деничкино страдание... Хорошо, что сентябрь наступил, и всех первокурсников на картошку отправили. «Инженерно-экономический» попал в одну деревню, «технология силикатов» – в другую. И время образовалось, чтобы посмотреть на всю ситуацию со стороны, к себе прислушаться – что там сердце подскажет.

Но никаких подсказок не последовало. Наверное, потому, что ситуация была и без того ясна, как божий день: или бери Деничку со всеми потрохами, с мамой и лубяной избушкой, или оставайся в своей ледяной избушке до лучших времен. И будут ли эти «лучшие времена» – вот в чем вопрос! Наверняка такие Денички с лубяными избушками на дороге не валяются! Выходи замуж, не думай!

Да, все так, но с другой стороны... Существовала еще и коварная изнанка этого выбора, та самая, о которой думать пока не хотелось. И называлась эта изнанка – исполнение супружеского долга. С Деничкой. Как с этим-то быть? Выходит, для Денички себя берегла будучи красавицей-недотрогой? Ждала бог знает кого, а придется все отдать Деничке? Или не так страшен черт, как его малюют? Тем более особого понятия ни о выборе, ни о самом черте у нее не было. А зря, наверное. Может, как раз искушенность в данном вопросе и помогла бы...

Вернулась с картошки в последних числах сентября, и мама с порога встретила ее насмешливым выговором:

– От телефона отойти не могу, представляешь? Через каждые полчаса кавалер твой названивает с одним и тем же вопросом – не вернулась ли Марта... И голос такой убитый, будто вот-вот заплачет! Ой, снова звонит! Иди уже, объявляйся, спасай человека.

Деничка чуть не задохнулся, услышав ее голос в трубке. Потом заговорил быстро и непривычно горячо:

– Марта... Ты вернулась, Марта... А мы еще неделю назад вернулись. Я хотел к тебе ехать, но боялся, что мы разминемся! Мы можем с тобой встретиться прямо сейчас? Мне надо сказать тебе, что... Что... Марта, как хорошо, что ты вернулась...

– Я сейчас не могу, Денис. Я только-только вошла. Давай завтра, ладно?

- Как завтра? Почему завтра, а не сегодня?

- Потому что завтра. Сегодня я буду весь вечер в ванной лежать, отмокать.

- Ну, хорошо. Тогда завтра с утра? Завтра же воскресенье, в институт еще не надо...

- Позвони мне завтра ближе к обеду, договоримся.

- К обеду?!

- Ну да.

- Хорошо... Хорошо, я позвоню к обеду. Как скажешь. Но мы ведь встретимся завтра, да?

- Ой, ну договорились же! Все, пока! Давай, до завтра!

Марта бросила трубку, повернулась к матери, округлила глаза и с шумом выдохнула, что могло означать только одно - вот же липучка приставучая... Но мать только усмехнулась, глядя на нее, и произнесла тихо:

- Да ладно, передо мной-то чего спектакли разыгрываешь? Самой ведь такая приставучесть нравится, правда? Тем более я думаю, ты сама ее для себя и организовала - я ведь тут намеренно навела справки про твоего мальчика...

- И у кого ты наводила справки, интересно?

- Да у Димки, у кого ж еще. Чего далеко ходить. То еще оказалось справочное бюро.

- А... Ну, понятно тогда.

- Слушай, а может, ты своего мальчика к нам домой пригласишь? Мне очень взглянуть на него хочется.

- Мам, я тебя умоляю... Ничего интересного ты не увидишь, честное слово.

- И все же, пригласи. Давай завтра вечером. Я даже пирог испеку по такому случаю.

- Ты? Пирог?

- А что такого? Я все-таки мать, а не ехидна какая-нибудь. Я должна видеть, что с моей дочерью происходит.

- Лично со мной ничего страшного не происходит, мам.

- Ну, не с тобой, так с мальчиком... И все, возражения больше не принимаются! Тащи завтра вечером своего кавалера, поняла?

- Да мне-то что... Ради бога, если настаиваешь.

Деничка почему-то очень испугался, когда она объявила ему о «вечернем домашнем приеме». Стоял, смотрел на нее озадаченно, потом поднял руку, вытер испарину со лба, проговорил с дрожью в голосе:

- Я, наверное, твоей маме не понравлюсь, Марта.

- Почему ты так решил? – вложила она в свой голос побольше веселого оптимизма.

- Ну, как тебе сказать... Наверное, каждой маме хочется, чтобы парень у дочки был красавцем... А я... Ты такая красивая, Марта, а я...

- Денис, прекрати! Хватит уже комплексовать по поводу своей внешности! Ну вот скажи, чем ты отличаешься от других? Чем? Ты что, инвалид? Урод? Ты такой же, как все, ни больше ни меньше! Конечно, похудеть бы тебе не мешало, это да...

- Я хотел, но у меня не получается! Я почти три месяца ничего не ел и в тренажерный зал ходил. А потом меня в больницу увезли – прямо из тренажерного зала. Мама говорит, что у меня конституция такая, ничего не

поделаешь. Одни могут худеть, а другие нет. Каждый организм живет в определенном балансе. Или дисбалансе... С природой не поспоришь...

- Ну, вот видишь! Ты сам про себя все знаешь! А это уже хорошо! Ты научись любить себя таким, какой ты есть, и все будет в порядке! Ну что, идем вечером ко мне домой? Мама хотела пирог испечь...

- Пирог? Для меня?

- Ну да. А что такого? Ирина Ильинична ведь угощает меня всякими вкусностями, когда я к вам прихожу!

- Ну, это ты... Это совсем другое... Моей маме ты очень нравишься. Она говорит, что в тебе удачно сочетается присутствие красоты, ума и трезвого взгляда на жизнь. Что ты умеешь разумом жить, а не чувствами. И что это не всем дано...

- Хм. И когда же Ирина Ильинична так успела меня распознать?

- А ты что, обиделась?

- Да нет... Ладно, идем цветы покупать - для мамы. Ей будет приятно.

Вечерние посиделки с пирогом прошли успешно - Денис маме понравился. Потом, проводив гостя, она так и сказала Марте со вздохом:

- Надо же, какой экземпляр, будто в пробирке вырос. А как влюблен, как влюблен! Как на тебя смотрит, боже мой! Знаешь, мне даже завидно стало... Можешь его тепленьким брать, если надобность есть. Сама-то как думаешь? Про надобность?

- Я не знаю, мам... Правда, не знаю. Сначала думала, что все знаю и все про себя понимаю, а сейчас... Не знаю.

- Струсил, что ли?

- Может, и струсил. Или нет, не то... Я не знаю, как объяснить... Будто несет меня куда-то, будто попала в сильный поток, и вроде бы еще есть возможность

на берег выбраться, но я не понимаю, хочу я обратно на берег или нет. Или хочу, чтобы непременно вынесло к новому берегу...

- Ну, тут я тебе не советчик, дочь. Смотри сама. Чтобы не сказала потом, что я тебя на неверный шаг толкнула. Может, и будут у тебя другие варианты, жизнь твоя только начинается. А может, и не будет больше вариантов, кто знает... Хотя ты красивая, в отца.

- Ты тоже красивая, мам!

- Нет, ты на отца больше похожа. Внешне. А характером в меня пошла, тебе тоже жизни наполовину не надо, тебе разом все подавай! А отец - он не такой... Как раз тот случай, когда красота мужику не на пользу.

- Ты совсем не любила его, мам?

- Да я теперь уж не помню, любила ли, нет ли... Наверное, на красоту его и купилась, когда замуж выходила. Да, он был красивый, но бесхарактерный. Тряпка тряпкой. Ждешь от него чего-то, а он... Ни эмоций, ни поступков... Таких долго не любят. Поэтому был муж, да сплыл.

- А почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? Будто он умер!

- Для меня да, умер. Как и не было. Ну, да бог с ним. А насчет Дениса я тебе вот что скажу, Марта. Да, все-таки скажу! Денис - это твой шанс, другого может и не быть, несмотря на всю твою красоту. Пусть он синица в руках, но ведь журавля в небе можно и не дожидаться. Если тебе преподнесла жизнь такой подарок - бери, иначе она рассердится и больше подарков не будет. Прождешь зря, годы уйдут, красота завянет. Я смотрю, он хоть завтра готов тебе предложение сделать, только отмашку дай...

- Мам, я не знаю... Нет, я все понимаю, что ты хочешь мне сказать, но... Боюсь я чего-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kolochkova_vera/v-ob-yatiyah-samki-bogomola

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)